

DOI: 10.25178/nit.2024.2.6

Статья

Роль гастрономического компонента в выражении аксиологического смысла тувинских паремий (на фоне русского и французского материала)

Наталья Ю. Нелюбова, Дмитрий С. Скнарев

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация,

Чодураа Ш. Кол

Средняя общеобразовательная школа им. Л. Б. Чадамба с. Тоора-Хем Республики Тыва, Российская Федерация

Статья посвящена аксиологическому анализу тувинских пословиц и поговорок с компонентом гастрономической тематики на фоне русских и французских паремий. Анализ проведен на материале авторской картотеки, полученной путем сплошной выборки из паремнографических источников трех языков, построенных по тематическому принципу.

Проведенное исследование позволило выявить важную роль пищевого компонента в выражении аксиологического смысла паремий трех языков. Выявленные компоненты-символы представляют гастрономические традиции этносов и позволяют установить как универсальные, так и специфические черты в восприятии ценностей и определенных жизненных ситуаций. Для тувинских паремий типично употребление наименований различных видов мяса, молочных продуктов и зерна, то есть традиционных продуктов питания, выступающих в качестве символической основы для отражения различных ценностей и ценностных диад: труд — лень, дружба, семья, народ, богатство — бедность, слово, красота. Русский материал выявляет связь гастрономических паремий с самыми разными темами и соответствующими ценностями, однако еда в нем рассматривается скорее не как ценность, а как жизненная необходимость. Репрезентация пищи как отдельной ценности ярко выражена во французских паремиях, где выявлено самое большое число разнообразных компонентов, обозначающих еду, так как для французской культуры особенно характерны гастрономические традиции. Кроме того, во французском словаре, в отличие от тувинского и русского, имеется отдельная рубрика, посвященная еде и столу, что подтверждает роль еды как ценности для французов.

Ключевые слова: паремия; гастрономический компонент; тувинский язык; русский язык; французский язык; аксиологический смысл; культурный код

Материалы статьи частично вошли в доклад, прочитанный на международной междисциплинарной конференции «Текст и дискурс: проблемы анализа, интерпретации, перевода» (19–22 сентября 2023 г., г. Иркутск, Россия).

Публикация выполнена в рамках проекта № 202802-2-000 «Лингвокультурологическое исследование коммуникативной реальности современной России» Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования:

Нелюбова Н. Ю., Скнарев Д. С., Кол Ч. Ш. Роль гастрономического компонента в выражении аксиологического смысла тувинских паремий (на фоне русского и французского материала) // Новые исследования Тувы. 2024, № 2. С. 90-111. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6>

Нелюбова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: nat.nelubova@mail.ru

Скнарев Дмитрий Сергеевич — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: sknarev_ds@pfur.ru

Кол Чодураа Шолбан-ооловна — заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель первой квалификационной категории средней общеобразовательной школы им. Л. Б. Чадамба с. Тоора-Хем Республики Тыва. Адрес: 668530, Россия, Республика Тыва, Тоджинский район, с. Тоора-Хем, ул. Советская, д. 26. Эл. адрес: 4odon@mail.ru

The role of the gastronomic component in expressing the axiological meaning of Tuvan proverbs (against the background of Russian and French material)

Natalia Yu. Nelyubova, Dmitry S. Sknarev

RUDN University, Russian Federation,

Choduraa Sh. Kol

L. B. Chadamba Secondary school, Toora-Khem, Republic of Tuva, Russian Federation

The article presents an axiological analysis of Tuvan proverbs and sayings with gastronomic themes, comparing them to Russian and French proverbs. The analysis is based on a card file of the author, which was compiled by continuously sampling from paremiographic sources in three languages. The sampling was done according to a thematic principle. The conducted research has revealed the significant role of food in the expression of axiological meanings in paroemias from three different languages. Identified symbols represent gastronomic traditions of different ethnic groups and allow us to identify both universal and unique features in the perception of values and specific life situations.

For Tuvan paroemias, it is common to use names of various meats, dairy products, and grains, which are traditional food items that serve as a symbolic basis for expressing various values and value pairs, such as work — laziness, friendship — family, people — wealth, and beauty. In contrast, the Russian material shows a connection between gastronomic proverbs and various topics, but food is not seen as a value itself, but rather as a necessary part of life. The representation of food as a separate value is clearly expressed in French parodies, where a large number of different food components are revealed. Gastronomic traditions are an important part of French culture, and this is reflected in the language. The French dictionary has a separate section devoted to food and dining, which further emphasizes the importance of food in French culture. In contrast, the Tuvan and Russian languages do not have such a dedicated section for food. This difference in approach to food may be due to cultural differences between the three languages. However, food plays an important role in the French cultural code.

Keywords: *paremia; gastronomic component; Tuvan language; Russian language; French language; axiological meaning; cultural code*

The materials of the article were partially included in the report read at the international interdisciplinary conference "Text and Discourse: Problems of Analysis, Interpretation, Translation" (September 19–22, 2023, Irkutsk, Russia).

The publication was carried out within the framework of project No. 202802-2-000 "Linguistic and cultural research of the communicative reality of modern Russia" of the RUDN Grant Support System for scientific projects.

For citation:

Nelyubova N. Yu., Sknarev D. S. and Kol Ch. Sh. The role of the gastronomic component in expressing the axiological meaning of Tuvan proverbs (against the background of Russian and French material). *New Research of Tuva*, 2024, no. 2, pp. 90-111. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.2.6>

NELYUBOVA, Natalia Yuryevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Philological Faculty, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: nat.nelubova@mail.ru

ORCID ID: [0000-0002-6538-8267](https://orcid.org/0000-0002-6538-8267)

SKNAREV, Dmitry Sergeevich, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher, Professor, Department of Russian Language and Linguoculturology, Institute of the Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198, Moscow, Russia. Email: sknarev_ds@pfur.ru

ORCID ID: [0000-0002-9404-8421](https://orcid.org/0000-0002-9404-8421)

KOL, Choduraa Sholban-oolovna, Deputy Director, L. B. Chadamba secondary school, Toora-Khem, Republic of Tuva. Postal address: 26 Sovetskaya St., Toora-Khem village, Todzhinsky district, Republic of Tuva, 668530, Russia. Email: 4odon@mail.ru

Введение

В процессе аксиологического анализа паремиологического материала важно отметить роль ключевых лексем в создании как общего смысла, так и ценностного значения пословиц и поговорок. Как правило, ключевые компоненты бывают связаны с определенным кругом тем, представляющих основные ценности этноса и культурные коды. Код культуры понимается как «формирующая определенный фрагмент картины мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия» (Красных, 2016: 131), а также как «совокупность знаков, составляющих план выражения для культурного содержания, внутренне связанной системы культурно ценностной информации и установок, носящих конвенциональный характер и формирующихся в пределах культуры»¹.

Изучению значимых образных компонентов в тувинском фольклоре, в том числе в сопоставлении с аналогичным материалом других языков, посвящен ряд исследований, выполненных в рамках различных методологических подходов (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021; Иванов, 2022; и др.). Некоторые компоненты представляют важные для этноса культурные коды через символические образы. Речь идет о номинациях животных (Иванов, Марфина, Шкуран, 2022; Иванов, Монгуш, 2023; Нелюбова, 2022с; Соян, 2023). Ряд работ посвящен элементам, представляющим соматический (Денисенко, Калинина, 2023; Мамбетова и др., 2023), цветовой коды (Бочина, 2023b; и др.) и др.

Важным аспектом нам представляется изучение паремиологического фонда с точки зрения функционирования в нем гастрономических компонентов, так как часто с помощью метафорических образов, связанных с едой, передается смысл и мораль различных жизненных ситуаций, в том числе аксиогенных, или ценностнопорождающих, по терминологии В. И. Карасика (Карасик 2015: 26). Е. В. Ничипорчик отмечает, что «каждая пословица, выступающая знаком типовой ситуации, обозначение которой зачастую представлено кластером синонимичных пословиц, — это определенная точка напряжения, связанная с той или иной жизненной проблемой, и организация паремипространства в целом отражает взаимосвязь этих проблем в реальной действительности» (Ничипорчик, 2023а: 137).

Т. В. Маркелова и М. В. Петрушина говорят об оценочных ситуациях как об одном из параметров функционального устройства системы средств выражения оценочности: в некоторых случаях «переносное значение оценки создается за счет использования ассоциативного потенциала слова в контексте» (Маркелова, Петрушина, 2019: 11), а гастрономические образы обладают широким метафорическим потенциалом в контексте аксиогенной ситуации, представленной в паремиях.

Цель данной статьи — определить роль и особенности функционирования гастрономического компонента в процессе создания аксиологического смысла тувинских паремий в сопоставлении с русскими и французскими.

Необходимость изучения пищевых традиций народов и их репрезентации в языке объясняется тем, что «приверженность традиционной кухне считается прежде всего маркером этнической идентичности» (Ламажаа, Кужугет, Монгуш, 2022: 171). Прием пищи представляет собой как биологический, так и «культурный процесс, отражающий многовековые традиции народа» (Абакарова, Омарова, 2016: 68), не только базовую физиологическую потребность, но и важный культурно-бытовой ритуал, который указывает на принадлежность человека определенной этнической общности (Чеснокова, Фернандес Санчес, 2017: 50–51). Таким образом, пища — ярко выраженная этническая и национальная константа (Павловская, 2022а: 285). Разные виды пищевых продуктов и традиции приготовления блюд, имеющие к ним отношение праздники и ритуалы непосредственно связаны с основной системой ценностей народа (Борисова, Эбзеева, 2019: 820), из чего следует важность исследования функционирования гастрономических компонентов паремий в аксиологическом ракурсе. Анализ, проведенный в данном ракурсе в сопоставительном аспекте, представлен нами ранее на материале ряда разноструктурных языков (Нелюбова, 2023ab; Нелюбова и др., 2023).

Функционирование гастрономических компонентов интересно проследить на примере яркого и самобытного тувинского материала с точки зрения соотношения представления в нем пищевых традиций и аксиологического потенциала.

¹ Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков; отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2018. С. 40.

Как отмечает Ч. К. Ламажаа,

«богатство культуры и особенности языка тувинцев таковы, что в них можно увидеть целые исторические слои и огромное наследие предков — древних кочевых племен Центральной Азии <...> В основном письменные свидетельства знаний и мыслей тувинцев мы можем получить или опосредованно (в исторических документах, в записях путешественников, работах первых исследователей Тувы), или в зафиксированном устном народном творчестве, в фольклоре» (Ламажаа, 2018: 16).

Описанию историко-этнографических аспектов тувинского фольклора посвящена книга Г. Н. Курбатского (Курбатский, 2001); необходимо отметить также паремиографические источники — словари тувинских пословиц и поговорок¹, фиксирующие данный материал.

Важным является изучение тувинского паремиологического материала как одной из азиатских частей евразийского паремиологического континуума с точки зрения его корреляции с паремиями европейских частей данного континуума. В данном случае в качестве фона нами были выбраны русский и французский языки, так как русские поселенцы на территории Тувы, по словам Г. Н. Курбатского, выступали в качестве посредников в процессе освоения «тувинцами европейской культуры» (Курбатский, 2001: 32), одной из наиболее ярких частей которой является французская культура, к тому же, известная своей гастрономической традицией. Общность и различия в традициях питания могут быть обусловлены спецификой исторического, культурного развития этносов, географического положения стран и регионов и климатических условий.

В данной статье мы придерживаемся понимания паремии как минимального текста, состоящего

«из одного или нескольких предложений с определенной структурой и лексическим составом. Выражая всегда обобщенную социокультурную ситуацию, паремиологический текст обладает природой этнолингвистической формулы, которая вырабатывалась с помощью особой системы мировоззрения народа <...> Паремии, как и любой другой текст, — это не только содержательно, но и структурно самостоятельные произведения устного народного творчества» (Кацуба, 2009: 11).

Мы считаем, что важную роль в формировании и представлении заложенного в паремии этнолингвистического содержания выполняют ключевые, в нашем случае — гастрономические компоненты.

Традиции питания напрямую зависят от культурного и исторического контекста, а тувинцы — «народ древней истории и самобытной культуры. Их, по отзывам путешественников и исследователей, отличали самобытность, своеобразие, самостоятельность языка, типа, религии, образа жизни — несмотря на сильное монгольское влияние, живость, энергия, инициатива, бодрость духа, самоуверенность, личное достоинство, разнообразие индивидуальных характеров» (Курбатский, 2001: 6). В тувинских паремиях отражаются особенности преимущественно кочевого образа жизни, характерного для эпохи создания пословиц и поговорок. Если говорить о традициях питания кочевников в целом, нужно уточнить, что их ряды изначально «пополнялись двумя основными путями. Во-первых, бывшими охотниками, тяготевшими к преимущественному потреблению мясных продуктов. Во-вторых, выходцами из древнейших смешанных скотоводческих и зерновых миров, питавшихся не только и даже не столько мясом, сколько молочными продуктами и небольшим количеством зерновых» (Павловская, 2022b: 236). Тем не менее, исследователи отмечают, что «мясо скота употребляется и в повседневной жизни, и в обрядово-ритуальных праздниках. То есть мясная продукция остается «сердцем» тувинской кухни, как и во многих других азиатских культурах» (Мал-маган. Тувинцы ... , 2023: 4). Данные особенности нашли подтверждение в собранном нами материале тувинских паремий с гастрономическим компонентом.

Материалы и методы

Методологическая база исследования основана на понимании паремиологии как самостоятельного направления в лингвистике (Мокиенко, 2010; Бредис, Ломакина, Мокиенко 2019; Бредис, Димогло, Ломакина, 2020; Seliverstova, 2020), на новейших исследованиях в области сопоставительной и типологической паремиологии (Seliverstova, 2020; Бредис, Иванов, 2021; Alyoshin, Ivanov, 2023), ко-

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966; Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020.

нитивного и лингвокультурологического описания паремий (Иванов, Ломакина, Петрушевская, 2021; Бредис, Иванов, 2022; Иванов, 2023).

В процессе анализа материала использовались описательно-аналитический, лингвокультурологический, лингвоаксиологический, сравнительно-сопоставительный методы, метод семного анализа, прием сплошной выборки при составлении картотеки паремий и статистический метод при подсчете количества паремий гастрономической тематики относительно общего числа пословиц и поговорок, представленных в словарях.

В качестве источников материала были использованы словари тувинских¹, русских² и французских³ пословиц и поговорок, построенные по тематическому принципу. Авторская картотека составила около 1500 паремий трех языков с гастрономическими компонентами. В качестве иллюстративного материала в статье было приведено более 90 иллюстративных примеров.

Функционирование гастрономического компонента в тувинских паремиях

Картотека тувинских паремий была собрана путем сплошной выборки из словаря «Тувинские пословицы и поговорки» (1966), организованному по тематическому принципу. Тематическая группа «Еда» в данном источнике отсутствует, однако гастрономические компоненты были выявлены в 42 единицах, относящихся к различным тематическим группам, что составляет 12,8% от общего количества единиц (327), представленных в словаре. Все пословицы картотеки представлены также в словаре «Пословицы и поговорки тувинского народа» (2020).

С учетом полученных и представленных нами ранее данных (Нелюбова, 2022b: 150) был проведен количественный анализ, позволивший определить процент паремий с гастрономическим компонентом в пределах тематических рубрик. Результаты представлены в таблице 1 в порядке убывания количественного показателя.

Таблица 1. Количество единиц с гастрономическим компонентом в тематических рубриках словаря «Тувинские пословицы и поговорки» (1966), в %

Table 1. The number of units with a gastronomic component in the thematic headings of the dictionary "Tuvan proverbs and sayings" (1966), in %

№	Тематическая рубрика	Количество единиц с гастрономическим компонентом
1.	Чалгаа, ажыл кылбазының дугайында 'Лень, безделье'	38
2.	Ажыл, мергежил дугайында 'Труд, мастерство'	37,5
3.	Харам кижги дугайында 'Скупость, жадность'	31
4.	Дарлакчыларга удур 'Против угнетателей'	13
5.	Найырал, дуза дугайында 'Дружба, помощь'	11,5
6.	Өске четтестер дугайында 'Другие пороки'	7,4

¹ Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1966. Далее ссылка на примеры из данного издания в тексте оформлены следующим образом: (ТПП: страница); Пословицы и поговорки тувинского народа / авт.-сост. Б. К. Будуп. Кызыл: Тувинское книжное изд-во; Радуга Тувы, 2020. 112 с. Далее ссылка на примеры из данного издания в тексте оформлены следующим образом: (ЛПТН: страница). В тексте статьи нами приводятся переводы примеров, предложенные в данных источниках. При наличии расхождения перевода в двух словарях, указываются два варианта перевода одной тувинской пословицы из разных изданий.

² Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. Далее ссылка на примеры из данного издания в тексте оформлены следующим образом: (НМ: страница).

³ Montreynaud, F., Pierron, A, Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006. Далее ссылка на примеры из данного издания в тексте оформлены следующим образом: (DPD: страница)

7.	<i>Ие, өг-бүле, төрөл, уруглар дугайында</i> ‘Мать, семья, родня, дети’	3,8
8.	<i>Хайгаарал, чагыг дугайында</i> ‘Наблюдение, наставление’	3,8
9.	<i>Чулчуруушкун, хоозун чугаа дугайында</i> ‘Болтливость, пустословие’	3,7

Проведенный анализ показал, что наименования рубрик в словаре тувинских паремий в основном совпадают с названиями основных ценностей. Данный факт облегчил задачу анализа аксиологической семантики единиц полученной картотеки. Данные, приведенные в таблице, показывают, что основной процент паремий с пищевым компонентом связан с ценностной диадой **күш-ажыл — чалгаа чорук — труд — лень**:

Холу шимчээр — хырын тодар, хоозун чугаа — хүн бадар ‘Работаешь — сытым будешь, болтаешь — день потеряешь’ (ТПП: 76, 77);

Шалытчыда — крупчаат, чалгаапайда — куруг аас ‘Ударник — с крупчаткой, ленивый — с пустым мешком’ (ТПП: 74–75);

Чиир эъттиң чаглыы херек, кылыр иштиң деги херек ‘Мясо выбирай пожирнее, работу начинай побыстрее’ (ТПП: 76, 77);

Ажыл соонда аьш-чем амданныг ‘После работы еда вкусна’ (ТПП: 78, 79).

Из приведенных примеров можно заключить, что труд в тувинских паремиях воспринимается как ценность, а лень рассматривается как порок:

Чадаг кижээ чер ырак, чалгаа кижээ чем ырак ‘Пешему путь далёк, ленивому еда далека’ (ТПП: 84, 85);

Чалгаа кижиниң өөнде чарган ыаш чок, чазый кижиниң өөнде аьш-чем чок ‘У лентяя не ищи дров, у скупого не ищи еды’ (ТПП: 86, 87).

Как порок воспринимается также жадность (Нелюбова, 2023а: 463).

Считаем важным обратить внимание на компонент *бижек* ‘нож’ в паремиях:

Шапты бижек эътке дынмас, чалгаа кижини ишке дынмас ‘Тупой нож мясо не осилит, а лентяй — работу’ (ТПП: 86, 87);

Аьт турда, эзер муңчок, бижек турда, хын муң чок ‘Был бы конь — седло найдётся, был бы нож — мясо будет’ (ТПП: 86, 87), ‘Был бы конь — седло найдётся, был бы нож — ножны найдутся’ (ППТН: 18).

Нож, согласно пословицам, обеспечивает сытость. «У каждого тувинца, даже у молодых, на левом боку к поясу приворачивались сдвоенные деревянные ножны с большим охотничьим ножом для разделывания туши животного и маленьким бижек, употребляемым во время еды» (Курбатский, 2001: 26).

Отметим, что пороком считается **чазый ‘обжорство’** как проявление дурного качества **харамы ‘жадность, скупость’**:

Саасканның караа чаарда, чазыйның караа чагда ‘Сорока ищет сбитую спину, обжора — сало’ (ТПП: 90, 91);

Чидиг кескенин билбес, чилби чигенин билбес ‘Нож не разбирает, что резал, обжора не замечает, что ел’ (ТПП: 90, 91);

Чединместе — чевен аттыг, чеми чокта — харам аттыг ‘Не из чего сшить — неумёхой назовут, нечем угостить — скупой прослышет’ (ТПП: 90, 91).

Интересны паремии рубрики *Дарлакчыларга удур* ‘Против угнетателей’:

Кадыг эътке чаш талаар, каржы чаңга чон талаар ‘Ребёнок не любит жёсткого мяса, народ не терпит грубого нрава’ (ТПП: 28, 29);

Тоткан кижиге тогду кудуруу кадыг ‘Сытому и курдюк молодого барана жесток’ (ТПП: 30, 31).

В первом примере через значимый гастрономический компонент обозначены ценности **өг-бүле** ‘семья’ и **чон** ‘народ’. Во втором представитель власти, предстающий как угнетатель, обозначен метафорически как сытый, даже пресыщенный человек, которому даже самое мягкое мясо кажется жестким. Через отрицательное отношение к угнетателям косвенно выражается ценность **хосталга** ‘свобода’.

Ценность **найырал** 'дружба' отражена в паремиях соответствующей рубрики:

Эп бажы — чаг, сөс бажы — хан 'У дружбы — сало, у вражды — кровь' (ТПП: 68, 69);

Чарын ээдин чааскаан чивес, чанында эшке кара салбас 'С другом в ладу живи, кусок мяса с ним дели' (ТПП: 70, 71), 'С другом в ладу и согласии живи, кусок мяса с лопатки с другом дели' (ППТН: 65).

В паремиях рубрики о других пороках снова осуждается **ажыл кылбазы** 'безделье':

Этке дажаараар, этке тодар 'От мяса — сытость, от богатства — безделье' (ТПП: 112, 113), 'От богатства — чванство, от мяса — обжорство' (ППТН: 78);

Чүдэрээри — чүректе, аштаары — адакта 'От похмелья сердце страдает, от безделья желудок пустеет' (ТПП: 114, 115).

В первом примере отрицательно оценивается влияние **байлак** 'богатства' на человека. Во втором — упоминается похмелье как последствие злоупотребления спиртным, в результате которого страдает **кадыкшыл** 'здоровье' (в данном случае — сердце), а здоровье представляет одну из основных ценностей.

Среди паремий, представляющих ценность **өг-бүлө** 'семья', отметим единицу *Тараалыг кижги тодуг, адалыг кижги чоргаар* 'Человек с хлебом сыт, с отцом — горд' (ТПП: 44, 45).

Хотя представления о сытости и богатстве связывались с хлебом, зерном (*тараа*), даже у имевших пашни хлеб не был главной пищей. Собирали его относительно немного. Посевы могли оставлять без сожаления и отправлялись в чужой край (Курбатский, 2001: 52). В данном контексте необходимо подчеркнуть, что многие примеры пословиц показывают привязанность тувинцев к семье, а в изучаемом нами словаре рубрика о семье и родственных отношениях является самой многочисленной (Нелюбова, 2022b: 150, 155).

Предметом гордости является большая семья в силу того, что она «обеспечивала коллективные усилия по добыче пропитания, поддержанию хозяйства» (Ламажаа, 2018: 30). Важность умения вести хозяйство отражена в пословице *Чаражынга шай хайындырбас, чажынга аът өртевес* 'Красотой чая не вскипятишь, к кося коня не привяжешь' (ТПП: 48, 49). В ней упоминается другая сопредельная ценность — **чаражы** 'красота', уступающая в данном случае по значимости ценности **ажыл-агый-жызы** 'хозяйственность'. В контексте последнего примера отметим, что чай представлял собой важный продукт.

«У бедняков чай был главной, а нередко и единственной пищей, им подавляли чувство голода. Обильным чаепитием подавляли чувство голода <...> По возможности его пили с поджаренным пшеном, молочными продуктами, бараниной. Признак крайней бедности усматривали в потреблении черного, не заправленного молоком чая» (Курбатский, 2001: 28).

Различали несколько видов чая.

«Важнейшим продуктом питания, вкусным, полезным и даже целебным, считали сваренный с молоком и солью кирпичный чай <...> Желтый плиточный чай <...> толкли вечером в чаевой ступке <...>, а варили утром (там же: 27–28).

Некоторые ценностные приоритеты обозначены в гастрономических паремиях рубрики, содержащей наставления. В частности, подчеркивается важность сказанного слова по сравнению с пищей: *Эки сөзүң этке сатпа, чагыг сөзүң чагга сатпа* 'Доброе слово не отдавай за мясо, свой секрет не меняй на сало' (ТПП: 126, 127).

Параллель между ценностью еды и сказанного слова наблюдаем и в пословице рубрики о болтливости и пустословии: *Сөөк хемдээш, хемиртинге чедер, сөс сөглээш, эчизинге чедер* 'Начал есть — доедай, начал говорить — договаривай' (ТПП: 104, 195) 'Начал есть — доедай до кости, начал говорить — договаривай до сути' (ППТН: 50).

Анализ тувинских паремий (см. также: Нелюбова, 2023a: 462–463) с пищевым компонентом показал, что основные гастрономические образы представлены лексемами, обозначающими общее (геогр. видовое) понятие *аши-чем* 'еда, пища, продукты', *эшт* 'мясо' и его различные виды, *чаг* 'сало' и др. Мясо считалось самой ценной пищей, особенно жирное: *Чаашкынны үнүш күзээр, чагыг этти кижги күзээр* 'Траве нужен дождь, человеку — мясо' (ТПП: 76, 77), 'Трава мечтает о дожде, человек — о жирном мясе' (ППТН: 62).

Оппозиция обозначений разных видов мяса и субпродуктов часто соотносится с ценностной диадой *байлак — ядызы* ‘богатство — бедность’. «Жесткое, жилистое невкусное мясо кыры-локтевой кости передних ног, предплечья мелких животных пословица противопоставляет бедру задних ног-чода: “чок мен дээш, чода карты чиве; бай мен дээш, кыры картты камба (бай мен дээш, балдыр эжди камба” — не ешь пленку чода (голени), как бы ни был беден; не бросай пленку кыры (болони), как бы ни был богат <...>. Пословицы считают кыры долей нищих» (Курбатский, 2001: 25). Та же тематика рассмотрена в паремиях *Чаг иштинде бүүрек дег, чанчык иштинде таакпы дег* ‘Живёт, как почка в сале, как табак в кисете’ (ТПП: 146, 147), где речь идет о зажиточном человеке и *Тоткан кижээ тогду кудуруу кадыг* ‘Сытому человеку и годовой овцы курдюк жесткий’ (ТПП: 30, 31), где сытость выступает как признак достатка.

В примере *Даартагы чагдан бөгүнгү өкпе дээр* ‘Лучше сегодня легкие, чем завтра сало’ (ТПП: 138, 139), ‘Лучше сегодня — ливер, чем завтра — сало’ (ППТН: 23) мы видим универсальную пословичную модель, присутствующую, в частности в русской паремии *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*, где гастрономический компонент отсутствует.

Кроме компонентов-наименований различных видов мяса, в тувинских паремиях встречаются также наименования «молочных продуктов, или ак чем — белая пища, т. е. пища из молочных продуктов: чай, творог, сметана, ааржы — питательная пища долгого хранения из молочных продуктов и др.» (Иванов, Ломакина, Нелюбова, 2021: 242). Отметим первостепенное значение в питании тувинцев молочных продуктов, особенно летом. Все виды молока считались почетным кушаньем. «Уважаемому гостю подносили пиалу, доверху наполненную молоком или молочной водкой-арагой, как бы говоря: пусть твое молоко льется через край (т. е. пусть у тебя будет много молока). При этом старались не пролить ни капли: “ак чем төкпес” — не проливают белой пищи» (Курбатский, 2001: 27).

Проведенное исследование позволило выбрать значительное число тувинских паремий с пищевым компонентом (12,8% от общего количества единиц, представленных в словаре) и важную роль соответствующих метафорических образов в передаче аксиологического смысла. Выявленные ключевые лексемы представляют в основном специфические продукты питания, характерные для тувинцев как народа, связанного с кочевым образом жизни и климатом: обозначения различных видов мяса, частей, внутренностей животных, употребляемых в пищу; наименования молочных продуктов и в меньшей степени зерна.

Функционирование гастрономического компонента в русских паремиях

В материале словаря русских пословиц и поговорок¹, организованного по тематическому принципу, как и тувинском словаре, рубрика *Еда* отсутствует, но гастрономические компоненты встречаются в пословицах различных тематических групп. Всего они были обнаружены в 1124 единицах, что составляет 10,8% от общего количества пословиц (10410), представленных в словаре. Результаты проведенного анализа русского паремнографического материала пищевой тематики были подробно представлены нами ранее (Нелюбова, 2023ab; Нелюбова, Дугалич, Кадилина, Кол, 2023).

В различных тематических группах, как и в случае с тувинским материалом, паремии с гастрономическим компонентом обнаружены в неодинаковом количественном соотношении. Наименования рубрик в словаре русских паремий, как и тувинских, в основном совпадают с названиями основных ценностей. Полученные данные о процентном соотношении русских гастрономических паремий в различных рубриках словаря были описаны нами ранее (Нелюбова и др., 2023: 937). Считаем необходимым привести их и в данной статье для единства представления материала трех языков (таб. 2).

¹ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Народная мудрость. Русские пословицы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.

Таблица 2. Количество единиц с гастрономическим компонентом в тематических рубриках словаря русских пословиц и поговорок «Народная мудрость» (2011), в %
 Table 2. The number of units with a gastronomic component in the thematic headings of the dictionary of Russian proverbs and sayings “Folk Wisdom” (2011), in %

№	Тематическая рубрика	Количество единиц с гастрономическим компонентом
1.	Добродетели и пороки	38,5
2.	Гость и хозяин	35
3.	Труд и безделье	17,5
4.	Страсти и желания	14
5.	Мужчина и женщина	14
6.	Время и возраст	10,8
7.	Радость и печаль	10
8.	Вера и религия	8,76
9.	Любовь и ненависть	8,6
10.	Красота и несовершенство	8,1
11.	Брак и семья	8
12.	Счастье и горе	7,8
13.	Богатство и бедность	7
14.	Дружба и вражда	6,7
15.	Знание и невежество	6,3
16.	Государство и власть	5,9
17.	Правда и ложь	5,1
18.	Здоровье и болезни	4,9
19.	Ум и глупость	4,7
20.	Война и мир	3,9
21.	Добро и зло	3,3
22.	Жизнь и смерть	2,6

Проведенный анализ показал самую высокую частотность паремий с пищевым компонентом в рубриках *Добродетели и пороки* и *Гость и хозяин*. В пословицах о добродетелях и пороках речь идет о **мудрости** и **силе**: *Премудрость во щах, вся сила в капусте* (НМ: 208), где сразу необходимо отметить важность в русской кухне такого продукта, как капуста. Она была в России самым популярным овощем, так как без нее нельзя было приготовить щей, квашеная капуста была главным овощем зимой и весной, источником витаминов, которые не терялись при хранении. Напротив, их становилось только больше. Кроме того, капуста разнообразила стол во время продолжительных постов (Павловская, 2022а: 195).

В ряде паремий как антиценность представлена **зависть**: *Завидчику калач, жалобицу камень* (НМ: 221).

Ценность представляет **смелость**, которая выражена через противопоставление трусости, представленной как отрицательное качество:

Салака не рыба, трус не человек (НМ: 233);

Смелому уху хлебать, а трусливому и тюри не видать (НМ: 233),

а также **честность**, которую подчеркивают пословицы о воровстве, где данное качество постулируется как порок, причем порок, от которого трудно избавиться:

Вор и сытый, и обутый, и одетый украдёт (НМ: 215);

Вору некраденый кусок приедается (НМ: 216).

Однако самым многочисленным является блок пословиц, касающихся пристрастия к пьянству (244 пословицы из 256 единиц рассматриваемой рубрики).

В целом в русских паремиях наблюдается двойственное отношение к пьянству и спиртным напиткам:

Вино надвое растворено: на веселье и на похмелье (НМ: 230);

Пить — добро, а не пить — лучше того (НМ: 226).

В некоторых пословицах отражается положительно отношение к употреблению спиртных напитков: *вино веселит сердце; чарка вина прибавит ума; пьяного да малого бог бережет*¹ и терпимое отношение к тем, кто ими злоупотребляет, даже в некоторой степени Божье покровительство:

Пьяница покается, Богу вспомнется, а трезвый никогда (НМ: 227);

Пьяный хоть в тумане, а всё видит Бога (НМ: 227);

Человека хлеб живит, а вино крепит (НМ: 229);

Пьяница проспится, а дурак — никогда (НМ: 227).

В последнем примере содержится мысль о том, что лучше быть пьяницей, чем дураком, недостаток которого исправить нельзя. Преимущество пьяного отражено и в пословице *Пьяный да умный — человек думный* (НМ: 227).

Анализируя в русских пословицах разного рода связи, которые наблюдаются в жизни и детерминированы наличием/отсутствием ума, Е. В. Ничипорчик выделяет среди прочих отношения «ум — вредные привычки» (Ничипорчик, 2023b: 165–166).

Отметим, что ценность **ума** представлена во многих паремиях данной тематики, предупреждающих о последствиях пьянства, которое, хотя и веселит, но лишает разума:

Вино с разумом не ладит (НМ: 230);

Кто не упивается вином, тот бывает крепок умом (НМ: 231) и др.,

в результате чего человек может совершать необдуманные поступки:

Вино вину творит (НМ: 230),

привлечь беду:

Вином горя не зальёшь, а новое наживёшь (НМ: 231);

Счастлив тот, кто вина не пьёт (НМ: 231);

Пьянство ноги отнимает, пьянство в бездонную беду человека вводит (НМ: 227),

что в итоге представляет опасность для **жизни**, являющейся одной из основных ценностей:

В вине больше погибает, чем в море утопает (НМ: 230);

Боле умирают от пьянства, нежели от убийства (НМ: 222).

В ряде приведенных выше примеров, смысл которых: пить — несчастье, а не пить — счастье, через антисценарии поведения человека, подверженного пьянству, выражается ценность **счастья**. В частности, данное пристрастие препятствует счастью **семьи**, которая также представляет собой ценность:

Пьянство — души потопление, семья разорение (НМ: 227);

Вино полюбил — семью разорил (НМ: 230),

где имеется в виду разорение не только материальное, как и в пословице.

¹ Козько Н. А. Концептосфера «спиртные напитки» в национальной языковой картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Челябинск, 2006. С. 15.

Пьянство разоряет царство (НМ: 227),
что показывает ценность **материального достатка**, или **богатства** (кроме того, пьянство доводит до **бедности**:

В кабаке пойдёшь суму найдёшь (НМ: 222),

Бутылочки да рюмочки доведут до сумочки (НМ: 222)),

но и духовное, о чем свидетельствует компонент *душа*, а также компоненты религиозной тематики в единицах, демонстрирующих ценность **веры и религии**:

Вина напиться — бесу предаться (НМ: 230);

В кабаке бываем, а в церкви отбиваем (НМ: 222).

Кроме того, русские поговорки предупреждают, что из-за пьянства человек теряет еще одну из важнейших ценностей — **работу**, так как пьянство несовместимо с трудом и мастерством:

Было ремесло, да хмелем заросло (НМ: 222);

Пьянство в работе не товарищ (НМ: 227).

Значительный процент поговорок с гастрономическим компонентом выявлен в рубрике *Гость и хозяин*, что объясняется русской традицией **гостеприимства**, восприятием его как самостоятельной ценности. Гостеприимство на Руси было «важнейшим принципом общественной жизни, а угощение было основой гостеприимства» (Павловская, 2022а: 164). Данное качество для русского человека связано, в первую очередь с тем, чтобы накормить пришедшего в дом, принять его хлебосольно:

Гостя сперва накорми, а потом вестей спроси (НМ: 182);

Умел в гости звать, умеи и угощать (НМ: 184);

Встречай хлебом-солью, провожай добрым словом (НМ: 181) и др.

Именно лексема *хлеб-соль* выявлена как один из наиболее частотных гастрономических компонентов в единицах рассматриваемой рубрики:

Милости просим, а хлеб-соль по-старинному (НМ: 181);

Хлеб-соль и разбойника смиряет (НМ: 184);

Старая хлеб-соль не забывается (НМ: 184) (см.: Нелюбова и др., 2023: 937–938).

Хлеб и соль в рассматриваемой единице «соединены в русском сознании как нечто целое, ценное и необходимое, <...> как важнейшие совместимые виды пищи символизируют собой пищу в ее совокупности» (Ковшова, 2016: 280). Подчеркнем, что

«сочетание *хлеба* и *соли* играло роль исключительно емкого символа: хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний. У русских в начале и в конце обеда советовали съесть для счастья кусочек хлеба с солью. Угощение *гостя* хлебом-солью устанавливало между ним и хозяином отношения приязни и доверия»¹.

Одной из рубрик, насчитывающих высокий процент поговорок с гастрономическим компонентом, является *Вера и религия*. **Вера** как одна из ключевых ценностей для русского человека «тесно связана с концептом “Бог”. Это базовый концепт русской культуры, на основе которого формировалось сознание русского человека» (Иванов, Маслова, Мокиенко, 2022: 12), что обуславливает наличие большого количества поговорок с компонентами, имеющими отношение к приему пищи и религиозными образами, в том числе библейскими:

Бог весть, что нам есть (НМ: 97);

Бог даст день, Бог даст и пищу (НМ: 98);

Снеси вас чёрт, а нас накорми Бог (НМ: 107);

Не с поста, а с обжорства мрут люди (НМ: 113);

Адам Еву послушал, да яблочко скушал (НМ: 113) и др.

¹ Славянская мифология. Энциклопедический словарь / авторы-сост. В. Я. Петрухин, Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая. М.: Эллис Лак, 1995. С. 387.

Суммируя полученные результаты проведенного исследования, укажем гастрономические компоненты, выявленные в русских паремиях, среди которых отметим родовые названия: *еда, пища, стол*, названия продуктов питания и напитков: *хлеб, соль, щи, пирог, каша, мясо, мука, пряник, блины, оладьи, дрожжи, сметана, сало, яйцо, масло, кость, редька, реп(к)а, лук, чеснок, горох, яблоко, грибы и их виды (грузди), ягоды и их виды (малина, клюква), мясо, рыба и ее виды (сиг, салака), рак, орехи, мед, квас, кисель, молоко, вода, брага, пиво, вино, водка*. Выявленные элементы в своем большинстве составляли основу русского стола:

«хлеб, каши, крупяные похлебки, кисели, пироги, блины, оладьи <...>. Широко использовались молочные и кисломолочные продукты: молоко ..., масло, сливки, сметана <...>. Из сладостей на первом месте был мед <...>. Мясо ели нечасто, в основном говядину и свинину, реже баранину, съедали все части животного, как, впрочем, в любой крестьянской культуре <...> Яйца использовали в основном в выпечке, в составе теста и начинки. Рыбу ели во время постов, ловили то, что водилось в окрестностях» (Павловская, 2022а: 163–164).

Самая высокая частотность выявлена у лексики *хлеб*, в том числе в составе единицы *хлеб-соль*, намного превосходя все остальные продукты питания. Многочисленны единицы, обозначающие разновидности хлеба и связанные с ним понятия: *калач, ломоть, каравай, сухарь / сухарик, краюха / краюшка, крошка/кроха, корка*, а также наименования зерновых культур: *рожь, пшеница, овес* и др. Т. Г. Бочина отмечает, что «центральное место в пищевом рационе русских занимают хлебобулочные изделия и изделия из теста вообще (46% паремий). Зерновая основа рациона соответствует представлениям о том, что земледелие — традиционная деятельность русского народа» (Бочина, 2023а: 215), то есть приведенные результаты исследования русских паремий показывают, что они отражают русские традиции питания, а именно тот факт, что

«основой русской кухни на протяжении всей истории было зерно и изделия из него. В первую очередь, хлеб <...>. Хлеб для русского человека был самой жизнью, а для России — богатством <...>. Поражает то, что хлеб сохранил свое почти сакральное значение до современности» (Павловская, 2022а: 185).

Таким образом, «хлеб у русских — больше, чем пропитание, он — символ пропитания (Степанов, 2004: 311).

Как один из ключевых символов в русской картине мира рассматривается каша.

«Издавна в русской народной культуре каша понимается как ритуальная еда, используемая во время трапезы на родинах, крестинах, свадьбе, поминках, т.е. в главных семейных обрядах <...> Кашу готовят из пшеницы или гречки на молоке с добавлением масла, меда, иногда сала; делают ее крутой <...> В пословицах и поговорках <...> отражен образ *каши* как чего-то очень значимого в представлениях человека об устройстве своего семейного мира в целом» (Ковшова, 2016: 259–261).

Посредством данного образа, как и других компонентов, указанных выше, в паремиях представлена ценность **семьи**:

В семье и каша лучше естся (НМ: 52);

В родной семье и каша гуще (НМ: 52);

Как хорошая жена да жирные щи, так другого добра и не ищи (НМ: 60);

Замужем наживешься как мёду напьешься (НМ: 54);

Отцы ели клюкву, а у детей — оскомина на зубах (НМ: 80);

Тёща ласкова — печёт блины маслены (НМ: 93);

Не научишь детей работать, так и сухарика не принесут (НМ: 77) и др.

В последнем примере отмечается также ценность **труда**.

Проведенное исследование позволило выявить большое количество русских паремий с пищевым компонентом (10,8% от общего числа единиц, представленных в словаре). Выявленные ключевые лексемы представляют как универсальные, так и специфические продукты питания, наименования которых представляют метафорические образы, играющие важную роль в репрезентации ценностных ориентаций русских и их традиций питания как представителей земледельческой культуры. Упоминание некоторых продуктов (ягод, грибов и др.) связано со спецификой климатических условий.

Функционирование гастрономического компонента во французских паремиях

Проведенный нами ранее анализ (Нелюбова, Сёмина, Казлаускене, 2020; Нелюбова, 2023ab) показал подробное представление гастрономических компонентов во французском паремиологическом фонде. Из общего количества французских паремий, объединенных по тематическому принципу в словаре пословиц и поговорок французского языка¹ и составивших 2007 единиц без учета пословиц франкоязычных стран, путем сплошной выборки была получена картотека пословиц с гастрономическим компонентом, составившая 311 единиц, или 15,5% от общего числа пословиц.

Проведенное исследование показало, что пословицы гастрономической тематики позволяют, в первую очередь говорить о гастрономии как об отдельной ценности французской культуры. Отметим в данной связи специальную объемную рубрику *La nourriture, la table* ‘Еда, стол’, а также подрубрики *La vigne, les vendanges et le vin* ‘Лоза, сбор винограда, вино’ в рубрике *Le travail de la terre* ‘Земледелие’. В связи с наличием данных рубрик нами был вычислен процент представления каждой выявленной ценности относительно общего числа пословиц о гастрономии. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Количество единиц с гастрономическим компонентом в тематических рубриках словаря французских пословиц и поговорок, в %
Table 3. The number of units with a gastronomic component in the thematic headings of the dictionary of French proverbs and sayings, in %

№	Тематическая рубрика	Количество единиц с гастрономическим компонентом рубрики (от общего числа паремий с гастрономическим компонентом)
1.	<i>La nourriture, la table</i> ‘Еда, стол’	28
2.	<i>Le travail de la terre</i> ‘Земледелие’	15
3.	<i>Les objets usuels</i> ‘Предметы быта’	15
4.	<i>Le bestiaire</i> ‘Мир диких животных’	10
5.	<i>Les animaux domestiques</i> ‘Домашние животные’	9
6.	<i>La nature</i> ‘Природа’	5
7.	<i>L’homme: le corps, les actes, la vie</i> ‘Человек: тело, поступки, жизнь’	4
8.	<i>La vie domestique</i> ‘Домашняя жизнь’	3
9.	<i>La religion</i> ‘Религия’	2,6
10.	<i>Les échanges et les biens</i> ‘Обмен и блага’	2
11.	<i>Conditions et milieux sociaux</i> ‘Социальные условия и слои’	2
12.	<i>Les relations humaines</i> ‘Человеческие взаимоотношения’	1
13.	<i>Les métiers et le monde du travail</i> ‘Ремесла и труд’	0,6
14.	<i>La guerre et les armes</i> ‘Война и оружие’	0,6
15.	<i>Le drap et l’habit</i> ‘Белье и одежда’	0,3
16.	<i>Les voyages</i> ‘Путешествия’	0,3

¹ Montreynaud F., Pierron A, Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. P.: Le Robert, 2006.

Поскольку в данном словаре тематика рубрик выстроена вокруг метафорических образов, формирующих значение паремий, то она лишь частично пересекается с ценностями. Более детальный анализ соотношения смысла пословиц с основными ценностями позволил произвести подсчет представленности единиц с гастрономическим компонентом в различных группах единиц, посвященных определенным ценностям. Результаты приведены в *таблице 4*.

Таблица 4. Количество единиц с гастрономическим компонентом в словаре французских пословиц и поговорок с точки зрения отражения ценностей, в %
Table 4. The number of units with a gastronomic component in the dictionary of French proverbs and sayings in terms of reflecting values, in %

№	Ценности — антиценности	Количество единиц с гастрономическим компонентом
1.	<i>La richesse — la pauvreté</i> 'Богатство — бедность'	8
2.	<i>La vie, la santé</i> 'Жизнь, здоровье'	5,5
3.	<i>La famille</i> 'Семья'	4,8
4.	<i>Le travail</i> 'Труд'	4,5
5.	<i>L'homme</i> 'Человек'	4,2
6.	<i>La religion</i> 'Религия'	3,9
7.	<i>L'ivrognerie</i> 'Пьянство'	3,2
8.	<i>Le pouvoir et le statut social</i> 'Власть и социальное положение'	1,9
9.	<i>L'économie</i> 'Бережливость'	1,6
10.	<i>La gourmandise</i> 'Обжорство'	1,3
11.	<i>Le goût</i> 'Вкус'	1,3
12.	<i>La paix — la guerre</i> 'Мир — война'	1,3
13.	<i>L'amour</i> 'Любовь'	1
14.	<i>L'amitié</i> 'Дружба'	0,6
15.	<i>Les connaissances</i> 'Знания'	0,6
16.	<i>La justice</i> 'Правосудие'	0,6
17.	<i>La bonté</i> 'Доброта'	0,6
18.	<i>La beauté</i> 'Красота'	0,3

Поскольку все выявленные пословицы имеют непосредственное отношение к ценности *la nourriture* 'еда', которая в таблицу включена не была. Отметим, что в качестве одной из ценностей во французском материале нами был выделен *l'homme* 'человек' на основании следующих факторов. «Во французских паремиях <...> акцент делается на человеке как индивидуальности» (Нелюбова, 2022а: 481), в отличие от тувинских и русских, где он представлен в основном как член определенной группы (семьи, народа) или с точки зрения характеристики его моральных качеств. В рубрике о человеке французского словаря дается полный набор его характеристик: от физических

и физиологических до моральных. Данный факт связан с принадлежностью французской культуры к культурам индивидуалистского типа, а тувинской и русской — к культурам коллективистского типа, что неоднократно подчеркивалось нами в ряде работ, посвященных паремиографическому материалу различных языков (Нелюбова, 2022ab и др.).

Подробная характеристика и аксиологический анализ объемного иллюстративного материала французских паремий с гастрономическим компонентом, в основном взятого из рубрики *La nourriture, la table* 'Еда, стол', отдельных подрубрик рубрик *Le travail de la terre* 'Земледелие' и *Les objets usuels* 'Предметы быта' словаря французских пословиц и поговорок (Montreynaud, Pierron, Suzzoni, 2006) и обоснованием выделения отдельной ценности *la gastronomie, la nourriture* 'гастрономия, еда', а также связи ее с сопредельными ценностями, ценностными диадами и качествами человека (*les connaissances* 'знания', *la paix* 'мир', *la vie — la mort* 'жизнь — смерть', *la santé — la maladie* 'здоровье — болезнь', *la religion* 'религия', *la richesse — la pauvreté* 'богатство — бедность', *le travail* 'труд', *l'amitié* 'дружба', *l'économie* 'экономность', *la tempérance* 'умеренность') были представлены нами ранее (Нелюбова, Сёмина, Казлаускене, 2020: 975–980; Нелюбова, 2023a: 459–461; Нелюбова, 2023b: 768, 770–771; Нелюбова и др., 2023: 940–942; и др.), ввиду чего в рамках данной статьи остановимся лишь на отдельных примерах.

Самый большой процент французских гастрономических паремий после тех, которые представлены в рубриках, непосредственно связанных с едой и демонстрирующих ее ценность, связан с тематикой материального достатка — аксиологической диадой *la richesse — la pauvreté* 'богатство — бедность'. Пословицы «отражают амбивалентность отношения французов к власти денег и способу их получения, негативные последствия богатства и бедности, отрицательную оценку скупости, ответственность богатых по отношению к близким и к обществу» (Байрамова, Москалева, 2013: 36). Среди семантических доминант французских пословиц о богатстве выделяют следующие: уважительное отношение к богатому, богатство позволяет наслаждаться жизнью; богатство зарабатывают постепенно; разбогатевший человек может приобретать плохие качества (Егорова, 2012: 128).

В нашем материале о незавидной судьбе бедных людей и неравенстве их возможностей с богатыми идет речь в пословице

Celui qui est né pour un petit pain n'en aura jamais un gros (DPD: 85) 'У того, кто родился для маленького хлеба, большого никогда не будет'¹,

где бедность выступает как антиценность, как и в пословице

Là où pain fault [manque], tout est à vendre (DPD: 85) 'Там, где не хватает хлеба, все продается',

в которой о бедности говорит недостаток или отсутствие хлеба. Хлеб в данном случае служит метафорическим образом-символом достатка и сытости.

В ряде паремий осуждается *l'avarice* 'скупость': *L'avare crierait famine sur un tas de blé* (DPD: 121) 'Скупой закричал бы о голоде на куче зерна'. В данном примере имеется в виду, что скупой человек стал бы жаловаться на бедность и среди изобилия, которое символизирует в данном случае куча зерна. Ценность *l'économie, l'épargne* 'бережливость, накопления' в контексте необходимости иметь запасы на случай нужды отражена в пословице *Il faut garder une poire pour la soif* (DPD: 15) 'Нужно приберечь грушу на случай жажды'.

Гастрономическая метафора используется и в пословицах о важной роли и экономической выгоде скромных и повседневных материальных благ по сравнению с предметами роскоши: *On vend au marché plus de harengs que de soles* (DPD: 117) 'На рынке продается больше сельди, чем морского языка', то есть дешевый товар раскупают быстрее, чем дорогой.

Говоря о французском культурном сообществе в ракурсе гастрономии, необходимо отметить, что особым напитком является вино, а виноделие — традиционной отраслью. Компонент *le vin* 'вино', наряду с компонентом *le pain* 'хлеб', является самым частотным. Французские паремии показывают как благотворное, так и вредное влияние данного напитка на здоровье и настроение человека. Последнее наблюдается в случае его чрезмерного употребления или плохого качества вина. Положительная и отрицательная оценка дается примерно в равном количестве случаев. Например,

¹ Переводы французских пословиц и поговорок выполнены авторами статьи.

о пользе вина находим в следующих пословицах, связанных с аксиологической диадой *la santé — la maladie* ‘здоровье — болезнь’:

Vin sur lait c'est santé lait sur vin c'est venin (DPD: 39) ‘Вино после молока — здоровье, молоко после вина — болезнь (яд)’;

Qui vin ne boit après salade est en danger d'être malade (DPD: 39) ‘Кто не пьет вино после салата, рискует заболеть’.

Паремии призывают к чувству меры в употреблении вина:

Pain tant qu'il dure mais vin à mesure (DPD: 86) ‘Хлеб (ешь), пока он есть, а вино (пей) в меру’

и предупреждают, что чрезмерное употребление даже хорошего вина лишает человека ума:

Bon vin, mauvaise tête (DPD: 38) ‘Хорошее вино, дурная голова’,

где *l'intelligence* ‘ум’ выступает как ценность. В данном примере ум обозначен метафорически с помощью лексемы *tête* ‘голова’. От привычки злоупотреблять алкоголем трудно отказаться, как и от других вредных привычек и в целом от своей природы, о чем говорится в пословице *Qui a bu boira* (DPD: 39) ‘Кто пил, тот и будет пить’ (рус.: Горбатого могила исправит).

Кроме того, ряд единиц выражает традиции, связанные с употреблением вина, которые в некоторых случаях являются метафорическим выражением различных жизненных ситуаций: пословица *Quand le vin est tiré, il faut le boire* (DPD: 38) ‘Когда вино достали, нужно его выпить’, как и ее вариант *Vin versé, il faut le boire* (DPD: 38) ‘Когда вино налито, нужно его выпить’ (рус.: *Взялся за гуж — не говори, что не дюж*) призывают доводить до конца начатое дело. В пословице *Bon vin, bon éperon* (DPD: 38) ‘Хорошо вино, хороша и дорога (шпора, отрог)’ и в ее варианте *Bon vin, bon cheval* (DPD: 38) ‘Хорошо вино, хороша и дорога (лошадь)’ образ хорошего вина символизирует вкусную еду, после которой дорога кажется легкой.

Проведенный анализ позволил констатировать широкое разнообразие пищевых компонентов во французских паремиях. Приведем выявленные гастрономические компоненты, обозначающие продукты питания и напитки (см. также: Денисенко, Нелюбова, 2024: 32): *la nourriture, le manger* ‘еда’, *le boire* ‘питье’, *la boisson* ‘напиток’, *le vin* ‘вино’, *l'eau* ‘вода’, *le pain* ‘хлеб’, *le miel* ‘мед’, *l'oeuf* ‘яйцо’, *l'omelette* ‘омлет, яичница’, *le sel* ‘соль’, *le beurre* ‘масло’, *la farine* ‘мука’, *la chair* (в значении *la viande*) ‘мясо’, *le boeuf (viande de boeuf)* ‘говядина’, *le veau* ‘телятина’, (*chair de*) *mouton* ‘баранина’, *l'agneau* ‘ягненок’, *le jambon* ‘окорок’, *le chapon* ‘каплу́н’, *le poulet* ‘курица, цыпленок’, *le lièvre* ‘заяц’, *la bécasse* ‘бекас’, *la perdrix* ‘куропатка’, *l'os* ‘кость’, *le lait* ‘молоко’, *le lard* ‘сало’, *la soupe* ‘суп’, *le bouillon* ‘бульон’, *la sauce* ‘соус’, *le fromage* ‘сыр’, *le poisson* ‘рыба’, *la truite* ‘форель’, *la saule* ‘морской язык’, *l'anguille* ‘угорь’, *le(s) hareng(s)* ‘сельдь’, *le saumon* ‘лосось’, *la carpe* ‘ка́рп’, *le brochet* ‘щука’, *le vairon* ‘пескарь’, *le(s) chou(x)* ‘капуста’, *le piment* ‘острый перец’, *la carotte* ‘морковь’, *l'oignon* ‘лук’, *les ciboules* ‘зеленый лук’, *le blé*, *le froment* ‘пшеница’, *le seigle* ‘рожь’, *l'avoine* ‘овес’, *le levain* ‘дрожжи’, *le fruit* ‘фрукт, плод’, *la poire* ‘груша’, *la pomme* ‘яблоко’, *le melon* ‘дыня’, *la cerise* ‘вишня’, *les mûres* ‘шелковица’, *le raisin* ‘виноград’, *le pâté*, *la tourte* ‘пирог’, *la moutarde* ‘горчица’, *le vinaigre* ‘уксус’, *la salade* ‘салат’, *la noix* ‘орех’, *l'amande* ‘миндаль’, *la gaufre* ‘вафля’, *le biscuit* ‘печенье, сухарь’, *le rhum* ‘ром’, *le rouge* ‘красное вино’, *le blanc* ‘белое вино’.

Исследование позволило выявить большое количество французских паремий с пищевым компонентом (15,5% от общего числа единиц, представленных в словаре). Выявленные ключевые лексемы отличаются разнообразием и представляют как универсальные, так и специфические продукты питания, наименования которых обладают метафорической символикой, играющей важную роль в отражении ценностных ориентаций французов как представителей земледельческой и винодельческой культуры, имеющей богатые гастрономические традиции, в том числе ввиду специфики климатических условий и географического положения страны. Среди специфических компонентов французских паремий обращают на себя внимание обозначения различных видов мяса, птицы и рыбы, упоминания соуса и приправ, а также различных видов напитков, что связано с многообразием продуктов, используемых во французской кухне.

Заключение

Исследование аксиологического аспекта функционирования гастрономических компонентов в тувинском паремиологическом материале на фоне русского и французского подтвердило мысль о

том, что «сопоставительный аксиологический анализ паремий языков суперэтносов и коренных народов России с неродственными языками, позволяет определить широкий спектр универсальных и специфических элементов» (Нелюбова, 2022а: 477).

В тувинском материале был обнаружен достаточно высокий процент паремий с пищевым компонентом (12,8%). Типично употребление наименований различных видов мяса, молочных продуктов и зерна, то есть традиционных продуктов питания, выступающих в качестве символической основы репрезентации различных ценностей и ценностных диад: труд — лень, дружба, семья, народ, богатство — бедность, слово, красота. Еда в тувинских паремиях рассматривается в большей степени как жизненная необходимость, а не как ценность, что проявляется также и в русском материале.

Русские гастрономические паремии также демонстрируют связь с широким спектром ценностей, однако составляют самый невысокий процент единиц (10,8%). Самый высокий процент пословиц и поговорок с пищевым компонентом и их разнообразие выявлены во французских пословицах и поговорках (15,5%), что связано с развитой во французской культуре гастрономической традицией. Во французском словаре, в отличие от тувинского и русского, имеется отдельная рубрика, посвященная еде и столу.

Изучение материала трех языков, являющегося составной частью евразийского паремиологического континуума, позволило выявить важную роль и аксиологический потенциал пищевого компонента в выражении ценностного смысла паремий. Данные компоненты имеют определенную символику, отражают гастрономические традиции представителей тувинского, а также русского и французского этносов и позволяют установить как универсальные, так и специфические особенности восприятия ценностей и ряда жизненных ситуаций.

Специфика функционирования пищевых компонентов трех языков обусловлена рядом факторов, тесно связанных между собой и взаимно обусловленных. Речь идет об особенностях исторического развития, географического положения, климата, направления хозяйственной деятельности и традиций питания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакарова, М. А., Омарова Ф. Т. (2016) Концептуализация понятия еда во французской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Вып. 5–3. С. 66–68.

Байрамова, Л. К., Москалева, Д. Р. (2013) Пословицы как составная часть аксиологической фразеологии французского языка // Филология и культура. № 3 (33). С. 32–37.

Борисова, А. А., Эбзеева, Ю. Н. (2019) Гастрономическая лексика как одна из особенностей нигерийского варианта английского языка // Russian Journal of Linguistics. Т. 23. № 3. С. 820–836. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-820-836>

Бочина, Т. Г. (2023а) Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань : Издательство Казанского университета. 286 с.

Бочина, Т. Г. (2023b) Числовой и цветовой код как компонент тувинских загадок о человеке // Новые исследования Тувы. № 3. С. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. (2020) Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11. № 2. С. 265–284. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2021) Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Бредис, М. А., Иванов, Е. Е. (2022) Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. № 26. С. 5–29. DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Бредис, М. А., Ломакина, О. В., Мокиенко, В. М. (2019) Пословица в современной лингвистике: определение, статус, функционирование // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 34–43.

Денисенко, А. В., Калинина, Ю. М. (2023) Репрезентация лексем «голова» / «баш», «сердце» / «чурек» и «язык» / «дыл» в русских и тувинских фразеологизмах // Новые исследования Тувы. № 4. С. 88–98. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.6>

Денисенко, В. Н., Нелюбова, Н. Ю. (2024) Вербализация концепта ЕДА во французском паремиологическом фонде // Когнитивные исследования языка. № 1 (57). Ч. II. С. 31–34.

Егорова, В. Ф. (2012) Концепт «Богатство» в пословичной картине мира русского, якутского и французского народов // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. № 12. С. 127–129.

Иванов, Е. Е. (2022) Абсурдные и парадоксальные пословицы в тувинском языке (онтологический и логический аспекты категоризации пословичной семантики) // Oriental Studies. Т. 15. № 6. С. 1373–1388. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Иванов, Е. Е. (2023) Категоризация отношения к действительности в паремиологических единицах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 14. № 4. С. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Нелюбова, Н. Ю. (2021) Семантический анализ тувинских пословиц: модели, образы, понятия (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. № 3. С. 232–248. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Иванов, Е. Е., Ломакина, О. В., Петрушевская, Ю. А. (2021) Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Иванов, Е. Е., Марфина, Ж. В., Шкуран, О. В. (2022) Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 47–68. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Иванов, Е. Е., Монгуш, Ш. В. (2023) Мир диких животных и их образов в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 65–83. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Иванов, Е. Е., Маслова, В. А., Мокиенко, В. М. (2022) Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М. : РУДН. 406 с.

Карасик, В. И. (2015) Лингвокультурные ценности в дискурсе // Иностранные языки в высшей школе. № 1. С. 25–35.

Кацюба, Л. Б. (2009) Своеобразие национально-культурных моделей строения паремиологического текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. № 25 (158). С. 11–17.

Ковшова, М. Л. (2016) Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. 3-е изд. М. : ЛЕНАНД. 456 с.

Красных, В. В. (2016) Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М. : Гнозис. 493 с.

Курбатский, Г. Н. (2001) Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл : Тувинское книжное издательство. 464 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К., Кужугет, Ш. Ю., Монгуш, А. В. (2022) *Хой эди* для тувинцев. Идентичность, удобство, ответственность // Этнография. № 4 (18). С. 151–174. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)

Мал-маган. Тувинцы — скот — мясо (2023) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ч. Х. Санчай, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны, А. В. Монгуш; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Кызыл : б. и. 152 с.

Мамбетова, Г. Т., Шингарева, М. Ю., Дмитриук, Н. В., Стычева, О. А. (2023) Сопоставительный анализ фразеологических единиц с соматизмом рука как способ формирования лингвокультурной компетенции (на материале русского, казахского, тувинского и английского языков) // Новые исследования Тувы. № 4. С. 109–123. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>

Маркелова, Т. В., Петрушина М. В. (2019) Оценочные высказывания в коммуникативном пространстве русского языка. М. : Институт современного искусства. 232 с.

Мокиенко, В. М. (2010) Современная паремиология (лингвистический аспект) // Мир русского слова. № 3. С. 6–20.

Нелюбова, Н. Ю. (2022a) Репрезентация ценностей в карельском паремиологическом фонде (на фоне паремий неродственных языков) // Вестник угроведения. Т. 12. № 3(50). С. 476–485. DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485>

Нелюбова, Н. Ю. (2022b) Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. № 1. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>

Нелюбова, Н. Ю. (2022c) Аксиологическая функция анималистических образов во французских и тувинских пословицах // Вестник Челябинского государственного университета. № 9 (467). С. 169–177. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10922>

Нелюбова, Н. Ю. (2023a) Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. № 2 (53). С. 458–465.

Нелюбова, Н. Ю. (2023b) Репрезентация концепта ЕДА в русских и французских пословицах: лингво-аксиологический анализ // Когнитивные исследования языка. № 3(54). С. 767–772.

Нелюбова, Н. Ю., Дугалич, Н. М., Кадилина, О. А., Кол, Ч. Ш. (2023) Лингвоаксиологический анализ калмыцких пословиц и поговорок с пищевым компонентом (на русском и французском паремиологическом фоне) // Oriental Studies. Т. 16. № 4. С. 929–947. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947>

Нелюбова, Н. Ю., Семина, П. С., Казлаускене, В. (2020) Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. Т. 24. № 4. С. 969–990. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>

Ничипорчик Е. В. (2023a) Логика развития темы «Розум. Кемлівасць. Дурасць» в электронном словаре белорусских пословиц // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. Вып. 3 (15). С. 135–148.

Ничипорчик, Е. В. (2023b) Тематическое объединение пословиц об уме и глупости в паремиологическом словаре В. И. Даля // Славянская фразеология и паремиология: сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. Е. И. Тимошенко и др. Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины. 243 с. С. 164–170.

Павловская А. В. (2022a) Человек есть то, что он ест. Пищевые системы мира. М. : Ломоносовъ. 288 с.

Павловская, А. В. (2022b) Страсти вокруг мяса, или Пища кочевников. Как еда разделила людей на «своих» и «чужих». М. : Ломоносовъ. 242 с.

Соян, А. М. (2023) Образ коня в тувинских загадках // Новые исследования Тувы. № 3. С. 84–96. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>

Степанов, Ю. С. (2004) Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический проект. 992 с.

Чеснокова О. С., Фернандес Санчес, Ю. В. (2017) Гастрономический тезаурус испанцев и басков через призму юмористического дискурса // Вестник Томского государственного университета. № 425. С. 50–58.

Alyoshin, A., Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. Scandinavian Philology. Vol. 21. Issue 1. P. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 11 (2). P. 198-212. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Дата поступления: 19.02.2024 г.

Дата принятия: 10.03.2024 г.

REFERENCES

Abakarova, M. A. and Omarova F. T. (2016) Conceptualization of the concept of food in the French language picture of the world. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, issue 5–3, pp. 66–68. (In Russ.).

Bairamova, L. K. and Moskaleva, D. R. (2013) Proverbs as an integral part of the axiological phraseology of the French language. *Filologiya i kul'tura*, no. 3 (33), pp. 32–37. (In Russ.).

Borisova, A. A. and Ebzeeva, Yu. N. (2019) Gastronomic Vocabulary as a Feature of Nigerian English. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 3, pp. 820–836. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-820-836>

Bochina, T. G. (2023a) *The proverb is said for centuries: selected works on Russian paremiology*. Kazan', Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 286 p. (In Russ.).

Bochina, T. G. (2023b) Numerical and color code as an element of Tuvan riddles about man. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.1>

Bredis, M. A., Dimoglo, M. S. and Lomakina, O. V. (2020) Paremias in Modern Linguistics: Approaches to Study, Text-Forming and Linguocultural Potential. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 11, no. 2, pp. 265–284. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-265-284>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2021) Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (on the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 11, no. 4, pp. 607–615. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615>

Bredis, M. A. and Ivanov, E. E. (2022) Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*, issue 26, pp. 5–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17223/22274200/26/1>

Bredis, M. A., Lomakina, O. V. and Mokienko, V. M. (2019) A proverb in modern linguistics: definition, status, functioning. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Issue 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 3, pp. 34–43. (In Russ.).

Bredis, M. A., Lomakina, O. V., Borisova, A. S. and Lazareva, O. V. (2022) Numerical code of Tuvan linguistic culture in proverbs (as contrasted to a number of Turkic and Mongolian languages of the peoples of Russia). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 276–293. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.4.20>

Denisenko, A. V. and Kalinina, Yu. M. (2023) Representation of lexemes 'head' / 'bash', 'heart' / 'churek' and 'tongue' / 'dyl' in Russian and Tuvan phraseological units. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 88–98. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.6>

Denisenko, V. N. and Neliubova, N. Yu. (2024) Verbalization of the concept of FOOD in the French paremiological Foundation. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 1 (57), part II, pp. 31–34. (In Russ.).

Egorova, V. F. (2012) The concept of "Wealth" in the proverbial picture of the world of the Russian, Yakut and French peoples. *Intellektual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniia*, no. 12, pp. 127–129. (In Russ.).

Ivanov, E. E. (2022) Absurd and Paradoxical Proverbs in Tuvan: Ontological and Logical Aspects of the Categorization of Proverbial Semantics. *Oriental Studies*, vol. 15, no. 6, pp. 1373–1388. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2022-64-6-1373-1388>

Ivanov, E. E. (2023) Categorization of Attitude to Reality in Paremiological Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 14, no. 4, pp. 1154–1177. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-4-1154-1177>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Neliubova, N. Yu. (2021) Semantic analysis of Tuvan proverbs: models, imagery, concepts (against the European paremiological background). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 232–248. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.17>

Ivanov, E. E., Lomakina, O. V. and Petrushevskaya, J. A. (2021) The National Specificity of the Proverbial Fund: Basic Concepts and Procedure for Determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 4, pp. 996–1035. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035>

Ivanov, E. E., Marfina, Zh. V. and Shkuran, O. V. (2022) Animal nouns in Tuvan proverbs and sayings: problems of studying and aspects of functioning. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 47–68. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>

Ivanov, E. E. and Mongush, Sh. V. (2023) The world of wild animals and their images in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 65–83. a (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.5>

Ivanov, E. E., Maslova, V. A. and Mokienko, V. M. (2022) *The Legacy of the Bible in the languages and cultures of the peoples of Russia and Belarus*. Moscow, RUDN. 406 p. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2015) Linguistic and cultural values in discourse. *Inostrannye iazyki v vysshei shkole*, no. 1, pp. 25–35. (In Russ.).

Katsiuba, L. B. (2009) The peculiarity of national and cultural models of the structure of the paremiological text. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, no. 25 (158), pp. 11–17. (In Russ.).

Kovshova, M. L. (2016) *The linguistic and cultural method in phraseology: Codes of culture*. 3rd ed. Moscow, LENAND. 456 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2016) *Dictionary and grammar of linguoculture: Fundamentals of psycholinguoculturology*. Moscow, Gnozis. 493 p. (In Russ.).

Kurbatskii, G. N. (2001) *Tuvans in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)*. Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo. 464 p. (In Russ.).

- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *The national character of Tuvans*. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriia. 240 p. (In Russ.).
- Lamazhaa, Ch. K., Kuzhuget, Sh. Yu. and Mongush, A. V. (2022) Khoi edi for Tuvans. Identity, convenience, responsibility. *Etnografiia*, no. 4 (18), pp. 151–174. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4\(18\)-151-174](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2022-4(18)-151-174)
- Mal-magan. Tuvans – cattle – meat (2023)* / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Ch. Kh. Sanchai, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy and A. V. Mongush; ed. by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Kyzyl, s. n. 152 p. (In Russ.).
- Mambetova, G. T., Shingareva, M. Yu., Dmitriuk, N. V. and Stycheva, O. A. (2023) Comparative analysis of phraseological units with somatism hand as a way of linguocultural competence formation (on the material of Russian, Kazakh, Tuvan and English languages). *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 109–123. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.8>
- Markelova, T. V. and Petrushina M. V. (2019) *Evaluative statements in the communicative space of the Russian language*. Moscow, Institut sovremennogo iskusstva. 232 p. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (2010) Modern paremiology (linguistic aspect). *Mir russkogo slova*, no. 3, pp. 6–20. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu. (2022a) Representation of values in the Karelian paremiological fund (against the background of proverbs of unrelated languages). *Bulletin of Ugric Studies*, vol. 12, pp. 3(50), pp. 476–485. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-476-485>
- Neliubova, N. Yu. (2022b) Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 146–163. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.10>
- Neliubova, N. Yu. (2022c) Axiological function of animalistic images in French and Tuvan proverbs. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 9 (467), pp. 169–177. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10922>
- Neliubova, N. Yu. (2023a) Metaphorical representation of the gastronomic cultural code in French, Russian and Tuvan parodies: the axiological aspect. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 2 (53), pp. 458–465. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu. (2023b) The representation of the concept of FOOD in Russian and French proverbs: a linguo-axiological analysis. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, no. 3(54), pp. 767–772. (In Russ.).
- Neliubova, N. Yu., Dugalich, N. M., Kadilina, O. A. and Kol, Ch. Sh. (2023) Linguoaxiological Analysis of Kalmyk Proverbs and Sayings with Food-Related Components: A Perspective from European Paremiological Contexts. *Oriental Studies*, vol. 16, no. 4, pp. 929–947. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947>
- Neliubova, N. Yu., Semina, P. S. and Kazlauskene, V. (2020) Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 969–990. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990>
- Nikolaeva, E. K., Seliverstova, E. I., Lomakina, O. V. and Suvandii, N. D. (2023) The image of a mountain in Tuvan paroemias as a manifestation of ethno-marked mentality (as compared to Altai, Khakas, Buryat and Kalmyk proverbs). *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 51–64. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.4>
- Nichiporchik E. V. (2023a) The logic of the development of the theme “Rose. Kemlivac. Durast” in the electronic dictionary of Belarusian proverbs. *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya Istoriia. Iazykoznanie*, issue 3 (15), pp. 135–148. (In Russ.).
- Nichiporchik, E. V. (2023b) Thematic association of proverbs about intelligence and stupidity in V. I. Dahl's paremiological dictionary. In: *Slavic phraseology and paremiology: a collection of scientific articles. Issue 3* / ed. by E. I. Timoshenko et al. Gomel', GGU im. F. Skoriny. 243 p. Pp. 164–170. (In Russ.).
- Pavlovskaya A. V. (2022a) *A man is what he eats. Food systems of the world*. Moscow, Lomonosov. 288 p. (In Russ.).
- Pavlovskaya, A. V. (2022b) *Passions around meat, or Nomad food. How food divided people into “friends” and “strangers”*. Moscow, Lomonosov. 242 p. (In Russ.).
- Soian, A. M. (2023) The image of the horse in Tuvan riddles. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 84–96. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.6>
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants: Dictionary of Russian Culture*. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt. 992 p. (In Russ.).
- Suvandii, N. D. (2023) Cher ‘earth’ in Tuvan paroemias. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>
- Chesnokova O. S. and Fernandes Sanches, Yu. V. (2017) The gastronomic thesaurus of the Spaniards and Basques through the prism of humorous discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 425, pp. 50–58. (In Russ.).
- Alyoshin, A. and Ivanov, E. (2023) Swedish parallels of Belarusian proverbs: Structural-semantic modeling. *Scandinavian Philology*, vol. 21, issue 1, pp. 5–23. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.101>

Seliverstova, E. I. (2020) Levels of Manifestation of Typological Similarity in Proverbs of Different Languages. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 11 (2), pp. 198–212. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-198-212>

Submission date: 19.02.2024.

Acceptance date: 10.03.2024.